

Секция «История социально-политических учений России»

Феномен самозванства в восприятии русского общества начала XVII века

Кухарский Дмитрий Юрьевич

Студент (бакалавр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Факультет

политологии, Москва, Россия

E-mail: dikukharsky@gmail.com

Феномен самозванства в восприятии русского общества начала XVII века

Рубеж XVI-XVII столетий стал для России периодом тяжёлых испытаний: династического кризиса, борьбы боярских и дворянских родов, глубокого социального и экономического кризиса, известного в отечественной истории как «Смутное время». Во многом именно Смута во всём многообразии её проявлений подготовила благодатную почву для появления одного из наиболее значимых феноменов эпохи — самозванчества.

Слухи о чудесном спасении «невинно убиенного» царевича Дмитрия Ивановича широко расходятся по землям Московского царства в 1600 году, ещё до наиболее драматичных событий Смуты — неурожаев, народных бунтов, интервенции, а главное — за несколько лет до появления в Польше Лжедмитрия I. Примечательно, что по религиозным канонам царевич был незаконнорожденным, так как православная церковь допускает не более трёх браков. Как отмечает Р.Г. Скрынников, Борис Годунов даже запретил упоминать имя царевича во время молитв за здоровье царской семьи[1]. Очевидно, в глазах старого московского боярства младший сын Грозного воспринимался не только как «неудобный» и болезненный, но и недостойный престола юноша.

Вероятно, истории о том, что истинный царевич жив ходили в народе с самого дня углического убийства в 1591 году, однако только в начале нового столетия они приобретают колоссальные масштабы. Один из крупнейших исследователей Смуты С.Ф. Платонов приводит свидетельства современников — француза Якова Маржерета и немца Конрада Буссова, утверждающих будто Борис Годунов однозначно обвинял в появлении слухов представителей видных боярских родов. Более того, примерно в одно время с появлением известий о спасении царевича начинается опала на бояр Романовых и их родственников по ложному доносу в колдовстве и чаяниях извести «царский корень» Годуновых[2].

Историки установили, что Григорий Отрепьев, которого подавляющее большинство исследователей отождествляет с Лжедмитрием I, в течение нескольких лет был служилым холопом на подворье бояр Романовых и Черкасских. Более того, того один из малоизвестных самозванцев более позднего периода Смуты — объявившийся на Тереке царевич Пётр Фёдорович — Илейка Муромец — был младшим товарищем казака Семёнова, бывшего холопа всё тех же Черкасских. Однако однозначного ответа о том, был ли хоть один из самозванцев «заквашен в Москве»[3], до сих пор нет. Доподлинно известно лишь одно: московские цари — от Годунова до Шуйского и ряда представителей Семибоярщины не жалели сил и средств для борьбы с самозванцами.

Однако появление истинного царевича зачастую воспринималось народными низами с настоящей эйфорией. Каждое чудесное воскрешение — будь то Лжедмитрий I, Лжедмитрий II и даже Лжедмитрий III — вселяло надежду на триумф «добраго царя», который избавит страну от бед и несправедливости служилых людей.

Дети боярские, дворяне, а зачастую и представители родовитых семей нередко воспринимали самозванцев как возможность улучшения социального статуса и решения старых обид и сведения счётов с противниками. Известно, что в Боярскую Думу при Лжедмитрии «не по чину» вошли представители худородного дворянства, а немалую роль на Совете

всей земли в 1613 году и вовсе сыграли казаки. Что же касается крупных бояр, то Василий Шуйский успел и поклясться перед народом, что своими руками похоронил царевича Дмитрия, и покаяться перед Лжедмитрием и стать участником заговора против него, а род Голицыных успел предать и Годунова, и Лжедмитрия, и Шуйского. Таким образом, череда самозванцев воспринималась значительной частью служилого сословия как возможность получить политические и экономические дивиденды.

Колоссальный раскол в русском обществе периода Смуты отразился и в религиозно-философских сочинениях данного периода. Например, проблему соотношения самовластия и истинного самодержавия в период Смуты исследует в своей фундаментальной работе «Временник» дьяк Иван Тимофеев (Семёнов). Автор рассуждает о причинах Смутного времени и находит их не только в народных грехах, но и в отсутствии мужества, смелости постоять за правду, выразившемся в «безсловесном молчании»[4]. История Смутного времени у Тимофеева неразрывно связана с находившимися на престоле государями. Ставя в вину московских царей множество разнообразных греховных деяний, автор при этом проводит дихотомию между родом Рюриковичей и самовластных «работарей»[5], каковым прозванием Тимофеев нарёк Годунова. Описывая жизненный путь сыновей Ивана Грозного — царя Фёдора и царевича Дмитрия, автор неоднократно именует их «истинными самодержцами»[6], тогда как Годунов, Шуйский и Отрепьев удостоены гораздо менее лестных эпитетов — «срамодейственный»[7], «нечестивое порождение»[8], «властолюбец»[9]. Крайне негативное отношение к самозванству отражено и в посланиях патриарха Гермогена, сочинениях Ивана Хворостинина[10], «Сказании» Авраамия Палицына[11] и многочисленных видениях Смутного времени[12].

[1] Скрынников, Р.Г. Смутное время: Крушение царства / Р.Г.Скрынников. — М.: АСТ: АСТ МОСКВА: Хранитель, 2007. — с. 17.

с. 279.

[2] Платонов С.Ф. Лекции по русской истории Учебное пособие. — М.: Высшая школа, 1993. — с. 270.

[3] Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций
М.: ОЛМА - ПРЕСС Образование, 2005. - с. 351.

[4] Тимофеев И. Временник. М., 1951. С. 39, 199.

[5] Там же. С. 60.

[6] Там же. С. 30, 57, 64.

[7] Там же. С. 130.

[8] Там же. С. 83.

[9] Там же. С. 35.

[10] Слова дня, и царей, и святителей московских // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 14. — СПб.: Наука, 2006. — 535 с.

[11] Палицын А. Сказание о осаде Троицкого Сергиева монастыря от поляков и Литвы и о бывших потом в России мятежах. — М.: Синодальная типография, 1822. — с. 289.

[12] Повести о чудесном видении в Нижнем Новгороде. Библиотека литературы Древней Руси. Т. 14. СПб., 2006. С. 198.